

**Признаки избыточности в падежной системе русского языка:
трудности с усвоением окончаний и синкретизм падежных форм**

Johanna Viimaranta

Oksana Kanerva

Gustaf Olsson

Alina Timofeeva

В данной статье мы анализируем функцию падежных окончаний в русском языке с помощью двух лингвистических экспериментов. Целью первого является выяснить, насколько хорошо русскоязычные, проживающие в Финляндии (как носители языка, так и те, для кого русский язык не является родным, но владеющие им на высоком уровне), понимают, к какому падежу принадлежит слово в том случае, если правильная форма является омофоном с хотя бы одной другой грамматической формой. Второй эксперимент призван ответить на вопрос, нужны ли падежные окончания носителям русского языка, чтобы определить синтаксические связи между словами. Полагаясь на результаты первого эксперимента, мы утверждаем, что степень усвоения системы падежных окончаний зависит от языковой компетенции (т.е. знания грамматики языка в ходе обучения, а также ощущения языка, сформированным посредством повседневного общения), а результаты второго эксперимента предполагают, что в случае падежного синкретизма, другие факторы влияют на определение синтаксических связей между словами внутри предложения.

1. Введение

1.1. Падеж как грамматическое явление и избыточность

В разных языках или внутри определенной языковой группы похожие семантические роли могут выражаться разнообразными грамматическими способами: морфологическими падежными окончаниями, порядком слов, согласованием и управлением, интонационным оформлением, служебными частями речи, в т.ч. предлогами. Типологический анализ показывает, что чем богаче падежная система, тем более конкретную информацию падежи передают [см. Fillmore 1968, Butt 2006, Malchukov & Narrog 2009].

В русском языке многие синтаксические функции и отношения выражаются не только падежом. Семантика обстоятельства места “перед домом” передается предлогом, указывающим на пространственное расположение, а также окончанием творительного падежа существительного, несущим дополнительную информационную нагрузку, которая является факультативной или избыточной. Напомним, что признак является избыточным, если его присутствие необязательно для определения языковой единицы [Crystal 2009: 406–407]. Те же принципы применяются при анализе грамматики и семантики с точки зрения редукции. Конкретизация избыточного признака будет отсутствовать в базовой репрезентации морфем. Избыточные сигналы помогают обрабатывать информацию только когда их появление ожидаемо, а контекстная предсказуемость их значения оказывает влияние на восприятие данных сигналов как предсказуемых [Caballero, Kapatsinski 2015: 1137].

Связность темы в свою очередь может кодироваться различными синтаксическими способами: порядком слов, морфологией, интонационными средствами, фонологическим объемом. Чем более прерывистой, несвязной и сложной к пониманию является тема, тем большее количество средств необходимо для ее кодирования [Givón 1983: 18]. Если тема менее доступна к пониманию, говорящие предпочитают использовать именные группы вместо местоимений, прибегают к повторениям и дополнительным пояснениям, полагаются на порядок слов в случае наличия подлежащего и прямого дополнения в морфологически немаркированной форме [Там же: 18–22].

Принцип экономии в теории морфологии гласит: “среди одинаково экспрессивных высказываний, самое простое является оптимальным” [Kiparsky 2005: 114]. Артикуляционная и акустическая редукция зависят от избыточности. Избыточные слова произносятся ослаблено [Fowler, Levy, Brown, 1997: 26]. Говорящие соразмеряют энергию, с которой они артикулируют звуки, с их личной оценкой необходимых для взаимопонимания требований, выдвигаемых слушающими. Сила артикуляции снижается при высоком уровне избыточности [Bard et al 1995: 188–191]. В стандартном русском литературном языке наблюдается редукция безударных гласных, в результате чего многие падежные окончания произносятся одинаково или уподоблено, хотя в письменной речи им соответствуют разные формы.

1.2. Изменения в падежных системах (на уровне системы и индивида)

В случае языкового контакта падежная система русского языка, как и других языков, представляет собой сравнительно быстро меняющийся феномен. Носители любого языка, когда они живут в среде, где другой язык преобладает, либо приспосабливают падежи по аналогии с их употреблением в доминирующем языке [Johansson 2009], либо только осознают существование данной морфологической категории, но сами не умеют правильно использовать падежные окончания. Выраженная морфология же более сложна, чем синтаксис (она является “узким местом” (bottleneck category), которая затрудняет усвоение языковой системы как для “херитажников” (носителей языка в диаспоре), так и для тех, кто изучает данный язык как иностранный [Polinsky 2011]. В случае индивида-херитажника возможны два варианта: либо он не усваивает

такой грамматической категории, как падеж, либо может утратить ее со временем [там же].

Дети совершают много разных ошибок в процессе усвоения языка [Babyonyshev 1993], овладевая теми падежными формами, употребление которых они могут наблюдать вокруг. Коррекция, которая также обусловлена окружением, оказывается доминирующим фактором, влияющим на правильность усвоения падежной системы [Tomasello 2005]. М. Д. Воейкова [Воейкова 2011: 195] делает обобщение, что самая первая оппозиция, усваиваемая детьми, это оппозиция Им.п.–Вин.п. Овладение системой языка происходит на основе лексического пласта, полученного из внешнего окружения; поэтому освоение других падежей происходит позже [Воейкова 2011; Babyonyshev et al 2001].

Одним из основоположных критериев усвоения грамматических категорий детьми является доступ к набору семантических понятий, которые соответствуют набору синтаксических категорий. Эти семантические понятия впоследствии используются ими в качестве доказательства наличия грамматических явлений в языковом потоке [Pinker 1984].

Т. Бивер [Bever 1970] выдвинул теорию стратегий восприятия, одной из которых может быть применение порядка слов (N–V–N стратегия) с целью определения семантических ролей. При этом существительное, стоящее на первом месте, определяется как агенс по отношению к глаголу, стоящему на втором месте, а второе существительное – как пациенс [Hayashibe 1975].

Это явление особенно характерно в случае падежного синкретизма, когда разные падежи постепенно сливаются в один "общий падеж" [Varðdal, Kulikov 2009]. В стандартном русском языке синкретичными являются, например, формы именительного и винительного падежа неодушевленных существительных мужского и среднего рода единственного числа и всех трех родов множественного числа соответственно. Берман [Berman 2009] отмечает две возможные причины возникновения падежного синкретизма: 1) общность семантики и 2) морфологическая обусловленность.

П.М. Аркадьев [Аркадьев 2005: 220], анализируя падежный синкретизм в славянских языках, приходит к выводам, что на развитие данного явления влияет три фактора:

- «иерархия агентивности» [Silverstein 1976; Dixon 1995: 85], согласно которой внутри синтагмы агенс размещается слева, а пациенс – справа;
- расщепление одушевленности [Dixon 1995: 85]: предпочтительность определения данных языковых единиц в качестве агенса уменьшается в следующем порядке: имена собственные – люди – одушевленные предметы – неодушевленные;
- «иерархия падежей» [Blake 2001: 157]: для большинства славянских языков дифференциация падежей происходит в следующем порядке: Им. – Вин. – Род. – Дат. – Мест. – Тв.

П.М. Аркадьев также утверждает, что такие «факторы, как синхронное распределение случаев падежного синкретизма, оказывают существенное влияние на диахронические процессы в морфологии» [Аркадьев 2005: 220].

В подобном случае проявления синкретизма в староанглийском языке, Р. Зайтц [Saitz 1955: 83] отметил, что при наличии неопределенности между именительным и винительным падежом, подлежащее почти всегда стояло на первом месте. Р. Китсон [Kitson 1992: 82] подчеркивает, что переход английского языка от синтетического к аналитическому был «основной движущей силой» дефлексии. Другими словами, растущая зависимость от порядка слов и предлогов ускорила превращение избыточных падежных окончаний в нефункциональные.

Данные из существующей научной литературы предлагают, что даже если в русскоязычной языковой среде падежная система хорошо сохраняется, она намного более уязвима в диаспоре, где даже у носителей языка система может быть усвоена не полностью [Polinsky 2006]. В особенности это касается тех случаев, где из-за падежного синкретизма и связанной с избыточностью фонетической редукцией флексий падежей существующие формы не подпадают под категоризацию «одна функция – одна форма».

2. Материал и метод

Экспериментальный материал исследования был собран с помощью двух лингвистических экспериментов, первый предусматривал работу в аудитории с бумажными анкетами, а второй с помощью интернет-программы Webropol.

2.1. Описание первого эксперимента

Эксперимент длительностью около 12 мин. проводился в двух группах испытуемых, в которые входили:

1. Студенты кафедры русского языка университета г. Турку в возрасте 20–40 лет в составе 17 человек, среди которых было 10 носителей языка (подгруппа 1.1) и 7 тех, для кого русский является иностранным (подгруппа 1.2);
2. Школьники в возрасте 16–17 лет в составе 7 человек, изучающие русский язык как профильный предмет в рамках образовательной программы, из которых у 4 человек оба родителя являются русскоязычными (подгруппа 2.1), а у 3 – только один из родителей (подгруппа 2.2).

Испытуемым были предложены индивидуальные анкеты для заполнения. Стимульный материал состоял из 31 слова, употребленных в 30 различных предложениях. Целью 11-ти пропущенных флексий было проверить употребление множественного числа существительных, 14-ти – падежного окончания, 6 были отвлекающими примерами («филлеры»). Респондентам не сообщалось о целях или предмете эксперимента, слова «окончание» или «флексия» не употреблялись в задании к анкете, необходимо было «вставить пропущенную букву, если это необходимо». Цель эксперимента состояла в сравнении сложности грамматических

категорий падежа и числа, а также в том, чтобы определить, в каких группах испытуемых совершается большее количество ошибок¹.

Стимульный материал в анкете можно было условно поделить на три группы. В первую входили предложения со словами с пропущенными падежными окончаниями (единственного числа), в которых пропущенной буквой был безударный *и* или *е*, или безударный *а* или *о*, например: *На выходных мы решили поехать к дяд_ в гости.*

Вторую группу составляли слова без окончания множественного числа (именительного или винительного падежа), в которых пропущенной буквой был безударный *и*, или безударный *а*, например: *Этот фильм вызывает у меня смешанные чувств_.*

Третья группа состояла из «филлеров», то есть из слов, в которых пропущенной буквой флексии был ударный гласный, который не подвержен фонетической редукции, и может быть определен даже на слух в разговорной речи. Это слова, которые не имеют омофона. Например: *В 70-е годы многие финны уехали из родной стран_ в Швецию.* Филлеры были включены, чтобы проверить зависимость между уровнем языковой компетенции (влиянию русскоязычного окружения и возможной коррекции) и чувствительностью к фонетическим факторам.

Ошибки в падежных окончаниях можно условно разделить на три группы: 1) на смешение *е* и *и* в заударном слоге, когда в результате фонетической редукции в устной речи «в деревнЕ» и «нет деревнИ» звучат одинаково, что является правильной произносительной нормой в русском языке; 2) ошибки на неразличение по мягкости в случае написания *ы* вместо *и* (например, *песныИ*); 3) употребление флексии по аналогии с другим склонением или родом существительных (например, *дядУ* или *чувствИ*).

Полученные результаты эксперимента (см. Таблица 1) показали большее количество ошибок в подгруппе 1.1. (носители языка) при выборе окончаний числа (3,5%), чем окончаний падежей (1,9%). В случае, когда одна и та же флексия могла бы являться показателем как числа, так и падежа, какой-либо другой член предложения должен был подсказать респондентам, какой падеж или число следует выбрать. Например, в предложении “*Во все времена барышн_ обсуждали моду*” предикат в форме множественного числа подсказывает, что флексия *и* должна выражать окончание числа. Часто встречающаяся ошибка принадлежала к 1 типу: на смешение *е* и *и* в окончаниях косвенных падежей (при правильном написании *-е* в *море* и *кладбище* в случае отсутствия форм на *-и* в парадигмах данных слов). Существенно меньшее количество ошибок в неразличении *о* и *а* в окончаниях.

В ответах испытуемых подгруппы 1.2. (не-носители языка) было допущено одинаковое количество ошибок как в падежных окончаниях (17,5%), так и в окончаниях числа (17,5%). При употреблении падежных окончаний присутствовали ошибки всех трех типов: 1) ошибки на смешение *е* и *и* в заударном слоге вследствие

¹ В данном случае под ошибками мы подразумеваем неправильный выбор гласного вследствие фонетической редукции в заударном слоге, например, когда окончания являются омофонами в разных падежах и числах.

фонетической редукции (*о деревни, в башни, на кухни*); 2) ошибки на неразличение по мягкости (*песны, страны*); 3) употребление флексии по аналогии с другим склонением (вместо *к дяде* (дат.п., I склонение) писали *к дяду/ю* по аналогии с *у столу* (дат.п. II склонение) или родом (ж.р. *солА/Я* или *вишнаА/Я* по аналогии с м.р. *мячА* или *голубЯ*). Преобладающей группой ошибок в этой подгруппе были ошибки второго типа на неразличение по мягкости (*песны, зверы*). Результаты могут быть объяснены как широтой самой парадигмы падежных флексий, так и тем фактом, что внутри системы гласных в окончаниях отдельно взятых падежей их вариативность также зависит от характеристики финального согласного основы, в т.ч. его мягкости. Так как в этом случае корреляция по твердости–мягкости в окончаниях влияет на выбор гласной, информанты, владеющие русским языком как иностранным, не могут на интуитивном уровне выбирать гласные, ориентируясь на произношение или возможность подбора проверочного слова. Кроме того, испытуемые этой подгруппы допустили большое количество ошибок и в филлерах (7,8%), что свидетельствует об их нечувствительности к таким очевидным для носителей особенностям, как фонетические факторы, а именно ясно выраженный ударный гласный в окончаниях косвенных падежей.

Подобные результаты указывают на то, что в памяти говорящих слова (в данном случае существительные) хранятся в “разложенном” виде: окончания отдельно от основы. При этом чем ниже уровень владения языком, тем больших затрат времени и усилий требует процесс обратного построения.

В эксперименте, проведенном в школе, в подгруппе 2.1. (оба родителя русскоязычные) респонденты совершили одинаковое количество ошибок как в окончаниях числа (4%), так и при подборе падежных флексий (4%). Преобладающей группой ошибок в падежных окончаниях были ошибки 1 типа на смешение *e* и *и* в заударном слоге, а также в неразличении безударных *о* и *а* в окончаниях. Ошибки 2 и 3 типа полностью отсутствовали. Испытуемые также допустили очень мало ошибок в филлерах (0,8%). Данные результаты показывают, что представители этой подгруппы, как и носители языка из подгруппы 1.1., различают (слышат) противопоставление по мягкости–твердости, чувствуют (знают) род и склонение, в сравнении с испытуемыми из подгрупп 1.2. и 2.2., которые имеют трудности с данными категориями.

Респонденты из подгруппы 2.2. (один из родителей русскоязычный) совершили большее количество ошибок в падежных окончаниях (12,9%), чем в окончаниях числа (9,7%). Что касается подбора падежных флексий, то преобладали ошибки 1 типа (при этом больше было ошибок на смешение *e/и*, чем *о/а*). В ответах испытуемых также присутствовал 3 тип ошибок (*без соля, ко дня*). Они также допустили достаточно много ошибок в филлерах (6,5%). Результаты в этой подгруппе свидетельствуют о том, что испытуемые различают противопоставление по мягкости–твердости, но еще не всегда могут правильно определить род или склонение.

Представители всех 4 подгрупп совершили ошибки в оппозиции *e-и* чаще, чем в *о-а*. Это может быть связано с иерархией падежей, когда именительный падеж оказывается первостепенным в отличие от косвенных падежей [Воейкова 2011: 195;

Babyonyshev 1993], о чем свидетельствует меньшее количество ошибок в оппозиции Им.-Род. П.

Результаты анализа показали, что парадигма падежных окончаний русского языка не была усвоена испытуемыми полностью. При этом, чем меньше респонденты из разных групп были подвержены влиянию русскоязычного окружения и возможной коррекции, тем большее количество ошибок они допустили (см. Табл. 1). Как и предполагалось, трудности были связаны с теми частями системы, об избыточности которых свидетельствует фонетическая редукция, а сами падежные окончания являются факультативными для понимания самых простых синтаксических отношений.

Таким образом, редукция, на наш взгляд, не только является следствием избыточности некоторых элементов падежной системы, но и мешает усвоению падежных флексий при изучении языка, в общем. Она также влияет на позицию этой грамматической категории среди других лингвистических категорий русского языка.

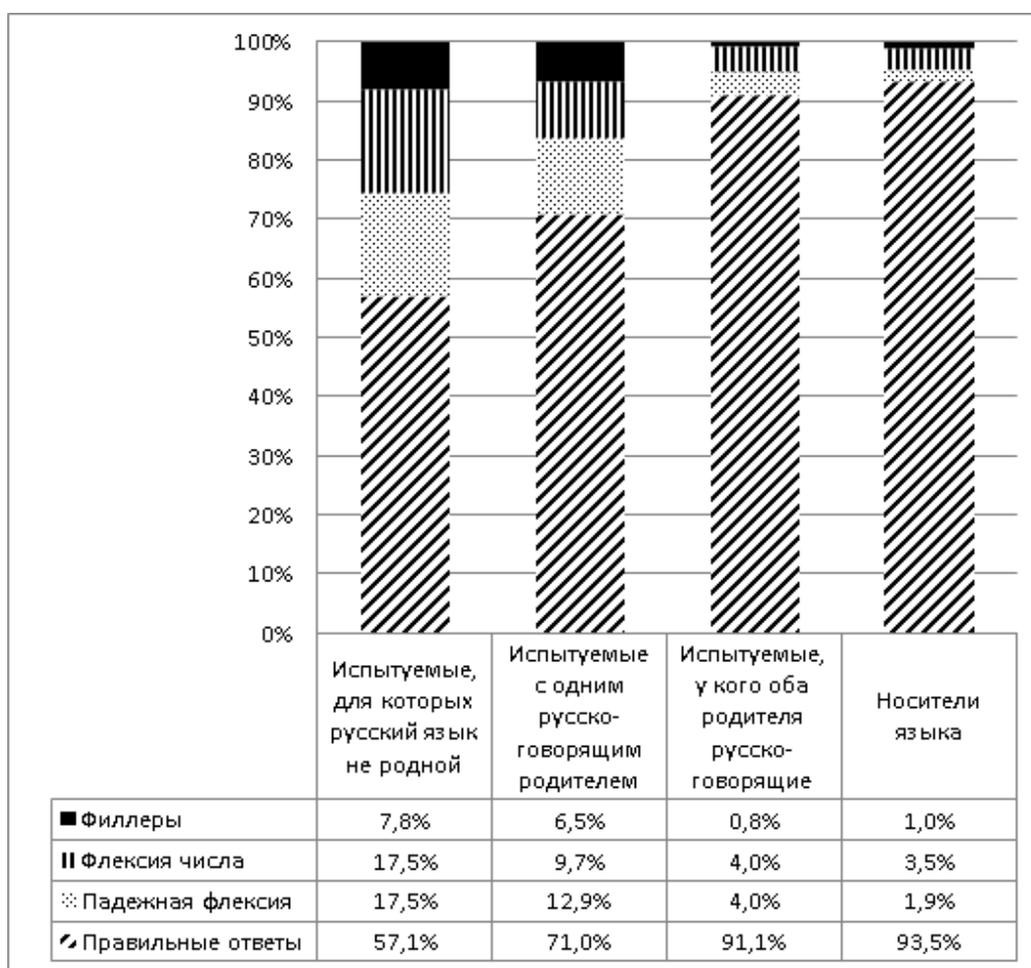

Таблица 1. Соотношение видов грамматических ошибок в сравнении с общим количеством правильных ответов²

² Часто встречающаяся ошибка в отсутствии согласования чисел подлежащего и сказуемого (“кухня ... продаются...”), объясняется большим расстоянием между главными членами предложения.

2.2. Описание второго эксперимента

Эксперимент проводился среди 25 студентов нефилологического профиля Тверского государственного университета в возрасте 17–25 лет. Все испытуемые считают себя носителями языка. Анкета была представлена в форме индивидуального электронного опросника множественного выбора, в котором испытуемым предлагалось указать возможного агента действия из предложенных вариантов ответов. При этом слова типа «подлежащее» или «агент» в задании не употреблялись. Стимульный материал состоял из 15 предложений, размещенных в произвольном порядке.

Целью 3 предложений группы (а)³ было определить влияние расщепления одушевленности на выбор испытуемыми агента действия, при этом мы не придерживались прямого порядка слов при составлении данных предложений.

Целью 6 предложений было исследовать влияние порядка слов N–V–N на определение агента действия. При этом к 4 из них, принадлежащих к группе (б)⁴, выдвигалось условие, что ни форма глагола, ни одушевленность предметов не будут иметь никакого влияния на выбор ответа, а падежные формы агенса и пациенса будут омонимичны.

В остальных 2 предложениях группы (в)⁵ из этих 6 при полном синкретизме падежных окончаний и порядке слов N–V–N существительные стояли на разных ступенях иерархии одушевленности.

5 предложений группы (г)⁶ были отвлекающими. Для чистоты эксперимента в них присутствовал лишь один возможный агент действия, а среди членов предложения отсутствовали прямые дополнения. Они также имели свободный порядок слов, т.е. подлежащее ни в одном из них не находилось в начальной позиции.

3. Анализ результатов

В предложениях группы (а) показатели предпочтительности в сторону одушевленного агента действия составляли 100%.

В группе (б) в случае отсутствия маркеров падежей, разницы между управлением глаголов для подлежащего и прямого дополнения, когда испытуемым необходимо было опираться лишь на порядок слов, существительное, стоящее на первом месте, было выбрано в 96% случаев.

³ а) Жадно яблоко шимпанзе надкусило. Правила определяют люди. Печенье любит колибри.

⁴ б) Государство развивает предпринимательство. Мать ищет дочь. Прогресс увеличивает доход.

⁵ в) Поезд Симферополь–Москва ждет атташе по экономическим вопросам. Животное видит племя в зарослях травы.

⁶ г) Не спеша в лес идет медведь. Навстречу ночи минуты бегут. С интересом смотрит на дерево волк. Низко висит дождливое небо над землей. В театр на концерт спешит актер.

Самыми интересными были результаты в группе (в), где не только порядок слов, но и расщепление одушевленности влияли на выбор агента действия. Существительные, обозначающие людей, были выбраны достаточно часто, даже если они стояли не на первом месте в предложении, а также когда контекстуально подходили оба ответа. Существительное, находящееся в начальной позиции, было определено как агенс лишь в 60% случаев.

В отвлекающих предложениях группы (г) выбор существительного, выполняющего функцию подлежащего, составил 100% даже при непрямом порядке слов, но при наличии предлогов или падежных окончаний, маркирующих косвенные падежи.

Таким образом, в случае падежного синкретизма основополагающим фактором различения между агенсом и пациенсом было расщепление одушевленности. Если же и подлежащее, и прямое дополнение относились к одному типу предметов, испытуемые полагались на «иерархию агентивности».

4. Выводы

Наличие устойчивого пласта так называемых “орфографических ошибок” у носителей языка со сформированной падежной системой при доступности информационного потока, способствующего усовершенствованию этой системы и самокоррекции (классическая русская литература, периодические издания, телевизионные каналы, транслирующие программы на литературном языке), может свидетельствовать об избыточности языка⁷. Данный тип ошибок может быть выявлен преимущественно в письменной речи, так как при устном общении наличие этих же ошибок незаметно в силу фонетической редукции парадигмы падежных окончаний, которая также может быть вызвана избыточностью, так как та же информация уже закодирована в управлении глаголов и предлогах. Избыточность морфологической категории падежа в русском языке находит свое прямое проявление также в падежном синкретизме. В случае наличия в одном предложении двух существительных, которые имеют в своей парадигме синкретичные формы, установить их синтаксические функции на основе морфологии этих слов невозможно. При подобных обстоятельствах для определения синтаксических ролей и связей внутри синтагмы приходится полагаться на порядок слов, «иерархию агентивности» и расщепление одушевленности (особенно, когда нет таких маркеров, как предлоги, а управление глаголов допускает двоякую интерпретацию).

⁷ Похожий, весьма любопытный феномен наблюдается среди современных носителей шведского языка. Многим трудно соблюдать письменную норму, согласно которой личное междометие *de* ‘они’ имеет разные формы в именительном и винительном падежах (*de/dem*). Это связано с тем, что в разговорной речи обе формы произносятся одинаково. Одновременно с этим различия между совершенно разными по произношению формами *jag* ‘я’ и *mig* ‘меня’ не вызывают у них трудностей.

Список литературы

- Аркадьев П. М. (2005). Типология и диахрония: наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках. *Язык. Личность. Текст. К 70-летию Т.М. Николаевой*. Москва.
- Воейкова М. Д. (2011). *Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка*. Москва.
- Babyonyshev, M. (1993). "Acquisition of the Russian Case System." In C. Phillips (ed.) *Papers on Case & agreement II, MIT Working Papers in Linguistics* 19, 1–43.
- Babyonyshev, M., Ganger, J., Pesetsky, D., & Wexler, K. (2001). The Maturation of Grammatical Principles: Evidence from Russian Unaccusatives. *Linguistic inquiry* 32(1), 1–44. <https://doi.org/10.1162/002438901554577>
- Baerman M. (2009). "Case Syncretism." In A. Spencer & A. Malchukov (eds.) *The Oxford Handbook of Case* (pp. 219–230). Oxford.
- Bard, E., Sotillo, C., Anderson, A.H., Doherty-Sneddon, G. & Newlands, A. (1995). "The Control of Intelligibility in Running Speech." In K. Elenius & P. Branderud (eds.) *Proceedings of the XIIIth International Congress of Phonetic Sciences. Vol. 4* (pp. 188–191). Stockholm.
- Barðdal, J. and Kulikov L. (2009). "Case in decline." In A. Spencer & A. Malchukov (eds.) *The Oxford Handbook of Case* (pp. 470–478). Oxford.
- Bever, T. G. (1970) "The Cognitive Basis for Linguistic Structures." In J. R. Hayes (ed.) *Cognition and the Development of Language* (pp. 1–61). New York.
- Blake, B. J. (2001). *Case (2nd edition)*. Cambridge.
- Butt, M. (2006). *Theories of Case*, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164696>
- Caballero, G. & Kapatsinski V. (2015). Perceptual Functionality of Morphological Redundancy in Choguita Rarámuri (Tarahumara). *Language Cognition and Neuroscience* 30(9), 1134–1143. <https://doi.org/10.1080/23273798.2014.940983>
- Crystal, D. (2009). *Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford.
- Dixon, R. M. W. (1995). *Ergativity*. Cambridge.
- Fillmore, C. J. (1968). "The Case for Case". In E. Bach and R. T. Harms (eds.) *Universals of Linguistic Theory* (pp. 1–90). New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Fowler, C. A., Levy, E. T., & Brown, J. M. (1997). Reductions of Spoken Words in Certain Discourse Contexts. *Journal of Memory & Language* 37, 24–40. <https://doi.org/10.1006/jmla.1996.2504>
- Givón, T. (1983). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam. <https://doi.org/10.1075/tsl.3>
- Hayashibe, H. (1975). Word Order and Particles: A Developmental Study in Japanese. *Descriptive and Applied Linguistics* 8, 1–18.
- Johansson, L. (2009). "Case and Contact Linguistics". In A. Malchukov & A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case* (pp. 494–501). Oxford.
- Kiparsky, P. (2005). Blocking and Periphrasis in Inflectional Paradigms. *Yearbook of Morphology* 2004. https://doi.org/10.1007/1-4020-2900-4_5
- Kitson, P. (1990). Old English Dialects and the Stages of Transition to Middle English. *Folia*

- Linguistica Historica*, Vol. 11(1–2), 27–88. <https://doi.org/10.1515/flih.1990.11.1-2.27>
- Malchukov, A., & Narrog, H. (2009). “Case Polysemy.” In A. Malchukov & A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case* (pp. 518–534). Oxford.
- Pinker, S. (1984). *Language Learnability and Language Development*. Cambridge, MA.
- Polinsky, M. (2006). Incomplete acquisition: American Russian. *Journal of Slavic linguistics*, 14(2), 191–262.
- Polinsky, M. (2011). Reanalysis in adult heritage language: New evidence in support of attrition. *Studies in Second Language Acquisition* 33(2), 305–328. doi:10.1017/S027226311000077
- Saitz, R. L. (1955). *Functional Word Order in Old English Subject–Object Patterns*. Unpublished doctoral dissertation, University of Wisconsin.
- Silverstein, M. (1976). Hierarchy of Features and Ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*, R. M. W. Dixon (ed.), Canberra.
- Tomasello, M. (2005). *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA.

Abstract

In this article we analyze the function of case endings in the Russian language by means of two linguistic experiments. In the first one we aim to discover how well Russian speakers living in Finland (native speakers and non-natives highly proficient in the language) understand which case a word belongs to when the correct word form is homophonous with at least one other form. The second experiment seeks to answer the question of whether native Russian speakers need case endings to be able to distinguish syntactic connections between words.

The results of the first experiment show that acquisition of a case system depends on the level of linguistic competence (i.e. knowledge of grammar in course of learning as well as “feeling” of language as a result of everyday communication), while the second experiment suggests that in the event of case syncretism other factors influence the identification of syntactic connections between the words in a sentence.

author: Johanna Viimaranta

affiliation: University of Helsinki, Helsinki

email: johanna.viimaranta@helsinki.fi

author: Oksana Kanerva

affiliation: University of Turku, Turku

email: oksana.kanerva@utu.fi

author: Gustaf Olsson

affiliation: University of Turku, Turku

email: gustaf.olsson@utu.fi

author: Alina Timofeeva

affiliation: Åbo Akademi University, Turku

email: alina.timofeeva@abo.fi